

A young boy with short brown hair, wearing a red hoodie and blue jeans, is seen from behind, walking away on a stone path. The path is wet and reflects the surrounding autumn foliage. The forest is dense with trees having vibrant orange, red, and yellow leaves. In the distance, a village with a church spire is visible through a misty or hazy atmosphere. The overall scene is peaceful and evocative of a rural setting in autumn.

Роман Михалыч

Моя сельская ЖИЗНЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Михалыч
Моя сельская жизнь

«Автор»

2026

Михалыч Р.

Моя сельская жизнь / Р. Михалыч — «Автор», 2026

Доброго дня, дорогой читатель. Мои рассказы автобиографичны, в основном, это личные воспоминания из моего детства и юности. Возможно, Вы узнаете в моих героях себя, или своих знакомых. Но все герои вымышленные, и все совпадения случайны. Приятного прочтения.

© Михалыч Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Роман Михалыч

Моя сельская жизнь

Глава 1

Дружочек.

Пока в стране развитого социализма, и всех других народных благ, пытались строить Коммунизм, мои родители вдруг надумали разводиться. Так бывает.

В большом, вальяжно раскинувшимся на равнинах средней полосы, городе Русского Черноземья было относительно тихо, люди жили сыто, неспешно, надеждами и верой в светлое будущее. Создавали семьи, растили детей, ходили на работу, копались в огородах, разводились, и начинали жить заново. Шел 1971 год.

О том, что меня впереди ожидает нечто сильно нехорошее я, здоровый трехлетка, любимец бабушки, почувствовал заранее. Сначала, в атмосфере дома повисло тягостное напряжение, где за закрытыми от меня дверями, как-то особенно громко, начали спорить и ругаться мои родители. Бабушка все чаще тайком вытирала намокшие глаза уголком платка, но виду не подавала. Мать отворачивалась, когда я вопросительно смотрел ей в глаза, невпопад говорила всякие глупости, а отец почему-то, просто избегал разговаривать со мной.

В тот день, когда мама собрала чемодан, и елейным голосом сообщила, что мы едем с ней к другой бабушке, а папа останется здесь, я понял, что пришла беда.

Ее масштаб я ощутил в тот момент, когда мне мать протянула новую, неожиданно красивую игрушку. Это был светофор. С цветными настоящими лампочками, с батареей. И с кнопочкой. Раньше у меня никогда не было таких дорогих и красивых игрушек.

В глубине души, я еще надеялся, что это где-то недалеко, несколько остановок на трамвае, а вечером мы вернемся назад, в наш дом. И меня будут купать в теплой детской железной ванной на полу кухни, и бабушка будет вытирать меня большим мягким полотенцем.

Когда мы с матерью уже сели в вагон поезда, и она излишне настойчиво стала предлагать мне поиграть вместе с ней в тот злосчастный светофор, я вдруг увидел в заплаканное дождем окно, отца, стоящего на перроне. Отец смотрел на нас откуда-то снизу, издали, как из другого мира, махал рукой и пытался улыбаться. Но улыбка у него не получалась. И вот тут я зарыдал. Громко так, с надрывом, от всей своей детской беспомощности и отчаяния. Мать вдруг стала какой-то совсем чужой, больно обнимала меня, чтобы я не мог убежать, а моей защитницы-бабушки сейчас не было рядом. Сидящие напротив пассажиры противно закачали головами, укоризненно зашикали языками, и стали меня высокомерно стыдить: «какой большой мальчик...» А я в тот момент ненавидел весь мир.

Словно в забыты, в бреду, в каком-то тумане, мы все куда-то, ехали, пересаживались с поезда на поезд, и опять ехали. Все дальше и дальше. Долго, очень долго. Куда, зачем? Мне уже стало все равно.

Как в страшной сказке, я вдруг, из ярко сверкающего огнями большого красивого города, оказался в совершенно чужом незнакомом мире. Темные стены комнаты, где я вдруг очнулся, были пробиты низкими маленькими окошками, в которые ничего не было видно. Под потолком – тусклая лампочка на кривом проводе, без абажура. Половину комнаты занимала давно побеленная пыльная печь. Стоял стол, стульев не было. Вдоль длинных сторон стола были огромные деревянные лавки. Еще очень высокая кровать. Всего одна. Где мы спали с мамой под одним ватным одеялом из цветных лоскутков. Бабушка спала или на печке, или на лавке. Обувь мне сказали не снимать. Из угла с лампадкой под потолком, на меня грозно исподлобья смотрели лики святых. На стене висели множество очень разных фотографий незнакомых мне

людей, почему-то все в одной рамке. Я пытался среди них увидеть хоть одно знакомое лицо, но не находил. Было холодно. И страшно.

За столом сидели какие-то чужие мне люди, и моя мама. Они тихо, полупшепотом, чтобы я не слышал, о чем-то общались. В какой-то момент я осознал, что не понимаю о чем они говорят. Совсем. Язык, на котором они все разговаривали, был чужой. Меня охватило полное отчаяние.

Утро не принесло ясности. Голова болела от слез. Мне еще долго казалось, что все произошедшее – всего лишь, сон, такой затянувшийся и страшный. Но это был не сон. Это был совершенно иной мир, в котором мне предстояло жить ближайшие годы. Детская психика довольно пластичная, в силу врожденного инстинкта выживания, включила внутренние защитные механизмы. Я, как мог, начал приспособливаться к новой жизни.

Первое, что я понял тогда, что мама рядом, значит шансы выжить у меня есть. Во-вторых, все не так плохо, как показалось во вчерашних сумерках, и здешняя бабушка, лишь отдаленно напоминающая платком и передником ту, из прошлой моей жизни, варить в печке и жрать меня не собирается. По крайней мере, сегодня уж точно. В-третьих, было и жутко и одновременно интересно, исследовать новый дикий для меня мир, полный опасностей, тайн и ожидающих меня приключений.

Деревня, где я очутился, была безнадежно затеряна в бескрайних снегах одной национальной автономной республики нашей большой страны, более чем в тысяче километров от моей родины. И так как, страна была очень большая, то цивилизация сюда еще не добралась, поэтому не было ни асфальтированных дорог, ни освещенных улиц, ни магазинов, ни трамваев, и даже церкви тут не было. Как не было ни отца, ни бабушки, ни игрушек, ни родных стен, ни русского языка.

Мои родители поссорились из за различия взглядов на устройство семейной жизни. Мама забрала меня, и насовсем уехала к своей маме. Я, с отчаянием понимал, что назад мы уже не вернемся. Думать о будущем было еще страшнее, чем анализировать происходящее, и надо было как-то жить дальше.

В доме было уже не так страшно, но в присутствии новой бабушки, я сильно робел. Я реально ее боялся. В какой-то момент меня выгнали, или я сам набрался смелости, и наконец то, вышел во двор. Тогда и случилось событие, которое помогло мне сохранить силы, здравый смысл, надежду, и выжить в этом новом незнакомом мне мире.

Это была – собака. Обычная. Серо-черная дворняга, средних размеров, которая в темноте, когда мы приехали, злобно лаяла на нас с матерью, и демонстративно пыталась порвать цепь, на которой ее держали. Сейчас она виляла хвостом, и заискивающе смотрела в глаза. Я ее не боялся, но и почему-то особо не доверял. До этого, собак я не видел, во всяком случае настоящих, живых, и так близко. Картинки и одноименные игрушки не имели ничего общего с реальной собакой.

Собака облизывала морду розовым языком, от которого шел морозный пар, и пыталась меня понюхать, но цепь не пускала ее. Бабушка, или мама, сейчас уже не вспомнить, дала мне кусочек хлеба, и жестом показала, что собаку надо угостить. Очень скоро я понял, что деревенские собаки не только неприхотливые, но и очень благодарные существа, если ты их кормишь, даже обычным черным хлебом.

Момент, определивший мою дальнейшую жизнь, и нашу дружбу с собакой, я запомнил навсегда. Собака брала хлеб из моих рук жадно, но осторожно, стараясь не прихватить зубами мои пальцы. Мы стали друзьями прям сразу, мгновенно, на каких-то общих звериных инстинктах. Когда я спросил маму, как ее зовут, она пожав плечами, сказала: «Дружок. Наверное». И у меня впервые в жизни появился Друг. Самый верный и настоящий. И, как мне сейчас кажется, за прошедшие пятьдесят пять с лишним лет, не было у меня больше таких друзей. Никогда не было. И уже не будет.

И первое, с чего я начал, после того, как бабушка спрятала дома от нас весь хлеб, это было освобождение моего нового друга. Интуитивно я уже тогда понимал, что это не правильно: держать живое существо на цепи. И отчаянно просил маму, тянул за подол бабушку, ныл, канючил, кричал, угрожал и плакал, и наконец добился своего: Дружка отстегнули от цепи. Да, он ждал этого, очень ждал, всю свою недолгую собачью жизнь, и был просто счастлив. И я тоже.

Но мои глобальные неприятности, на этом не закончились. Как оказалось позже, моя мама не уехала из большого города, где мы жили, в «никуда». И не собиралась она жить в деревне со своей мамой. Насколько я тогда мог понять, где-то рядом, не очень далеко, был ещё город, в котором маме дали хорошую работу, но не дали места, где ей жить. Поэтому, на неопределенное «скоро» я, не знавший местного языка, останусь жить вдвоем с бабушкой, не говорящей по-русски совсем, к тому же плохо слышащей и понимающей по-русски.

После той катастрофы, которая случилась со мной ранее, в моей психике видимо, снова сработала какая-то защита, или просто не осталось никаких сил, чтобы впасть в ещё большее отчаяние, и я принял этот удар уже молча, и обреченно. Ведь теперь у меня был Друг, на которого я мог положиться.

Моя новая бабушка мне сразу не понравилась, и я ее очень боялся. Ни улыбки, ни ласкового слова не получал я от нее тогда. Только спустя много лет, когда немного повзрослел, я понял, каким замечательным человеком она была! Простая крестьянка, прожившая нелегкую жизнь в забытой Богом деревне, буквально «пахавшая», как лошадь, тянувшая на себе дом и хозяйство, при бившем ее муже-тиране, вырастившая и выучившая двух умниц-дочерей, под конец жизни сильно и безнадежно заболела. Болезнь согнула ее, подкосила так, что бабушка, хромала и еле ходила. Скрючила пальцы натруженных рук, исказила маской непроходящей боли ее лицо, но до конца не сломала. Она продолжала жить, держать немногочисленную скотину, кур и огород, стараясь не показывать свою боль, помогала, как и чем могла, дочерям и внукам.

Основной проблемой в наших с ней отношениях, оставался языковой барьер. Учить меня местному языку было некому, приходящие посплетничать бабушкины соседки были не в счет. Не от большого своего деревенского ума, себе на потеху, они тайком учили меня всяким непотребным словам, которые вызывали у них полный восторг и глумление. Я не понимал того, что говорил, но видя их смеющиеся довольные рожи, мне казалось, что это хорошо и весело. Бабушка, естественно, злилась и ругала меня на своем языке. Русского языка она не знала, да и не нужен он был ей в глухой дикой деревне, где больше половины жителей не умели на то время ни читать, ни писать. Так и общались, используя жесты, мимику, и добавляя в речь больше интонации. Это работало.

Но душевной близости между нами не было. Да и неоткуда было ей взяться, если мы не могли даже просто объясняться, понимать друг друга в быту. Понемногу, с подачи более адекватных соседских бабок, я выучил базу общения: кушать, пить, садиться, смотреть, идти вон, подходить, названия практически всех домашних и часть диких животных, и виды их взаимодействия в плане еды и любви. Ну, и куда без этого – кучу матерных слов различного толкования, обидных и нарицательных. Многие помню до сих пор. Даже иногда использую в общении. Очень помогает в определенных ситуациях.

Бабушка целый день работала, буквально пропадая в поле, в огороде, в хлеву, в амбаре, в курятнике, во дворе. Топила огромную русскую печь, согревая дом, готовила еду и нам, и скотине. Про газ в деревне тогда даже не слышали. Уголь в республике не добывали, от этого он был дорогой, и все топили дровами. Удивляло то, что дрова, как в сказках, сами из леса не приходили, и сами себя не кололи, не заносили себя в дом, и в печь не прыгали. Все это делала бабушка. Одна. Каждый день. Годами. Всю жизнь. И никому уже не легче, от того, что я наконец-то понял, каково вот это вот все. А детям тем более, не объяснить и не понять.

После отъезда матери в город на работу, единственным близким мне существом, остался пес Дружок. И с каждым днем, мы становились еще более неразлучными друзьями. Помимо того, что мы играли целыми днями, я как мог, пытался его социализировать. Говорить он отказывался, ну или не очень старался, в общем не получалось у него по-человечьи. За то я замечательно научился лаять, рычать и скулить. Подражая собаке, я забирался под кровать, догадываясь, что бабушке это может не понравится, ставил миску с супом на пол, и пытался так есть. Когда это у меня стало более-менее получаться – а я очень старался, я затащил или заманил собаку в дом, пока бабушка была в огороде, и решил разделить обед с другом. То ли мы рычали, урчали и чавкали слишком громко, то ли бабушка не вовремя вернулась, но скандал случился невероятный.

Дружок, чтобы не мешать нашему непонятному диалогу, с визгом, на всякий случай, свалил в образовавшуюся в дверях щель, ну а мы с бабушкой пытались объяснить друг другу тонкости взаимоотношений в нашем социуме. На тот момент, я искренне не понимал, что именно так расстроило бабушку в нашем совместном с Дружком обеде. Бабушка что-то причитала на своем непонятном языке, и вздымала руки к иконам. Лики святых были и так не особо улыбочивыми, а в тот момент смотрели на меня с гневом и осуждением. В конце концов, мне стало очень жаль бабушку, и я подошел к ней мириться. Она еще долго причитала, плакала, и гладила меня по голове.

Причину такой реакции бабушки на наш с собакой обед из одной миски под кроватью, жестко объяснила мне, приехавшая на выходные мама. Видимо, бабушка ей все-таки нажаловалась, так как Дружок и говорить то особо не умел. Оказалось, что расстроила бабушку не столько гигиеническая составляющая процесса, а его символизм: выше ее понимания было, как можно, и главное – что люди скажут! – жрать из одной миски с собакой, да еще и рядом с валенками под кроватью.

В деревнях до сих пор критически важным бывает мнение окружающих. Мама тогда была ну очень зла. Признаться, я и до сих пор не вижу в этом ничего страшного, ну поиграл ребенок с собакой, как умел, но влетело мне тогда знатно. Дружок еще дня два не показывался на глаза бабушке, скрываясь под амбаром. Видимо, стеснялся за неудачный визит.

Время летело быстро: дни сменялись ночами, неделями, и я перестал его замечать. Все было, как в известном моем любимом мультфильме: «И стал пес жить, как раньше, даже немножко лучше. Забылись прошлые обиды, все забылось...»

Потом неожиданно приехал папа. Большой, суровый, какой-то чужой и неласковый. В какой-то вечер в доме собралось много людей, как мне объяснила мама, это «родня» по ее линии. Никого из них я не знал, и не видел раньше. Говорили они на том же, незнакомом мне языке, что и бабушка. Среди них были трое маминых двоюродных братьев, здоровых хмурых мужиков, которые недобро переглядывались, и о чем-то говорили меж собой.

Намного позже, родители рассказали мне, что мамины братья в тот вечер, очень хотели побить моего отца, в том числе за то, что он отказался с ними выпить. Отец не пил совсем, и не курил, до конца жизни. Но папа был слишком здоровый мужик, хорошо за 100 кг. весом, особых симпатий к новым родственникам не проявлял, и был готов ответить братьям взаимностью. Бить его братья раздумали. Но, с этого момента, родственников мамы отец еще больше невзлюбил.

Было ясно одно: мама назад уже точно не поедет, а присутствие папы здесь, в деревне, мне казалось изначально невероятным, и поэтому ничего не меняло. Они что-то долго решали с мамой, а меня загнали спать на печку, за занавеску, к бабушке. Я пытался подслушать о чем они говорят, но так и ничего не понял, быстро устал, и заснул в неведении.

Время расставания с моим Дружком пришло внезапно. К тому моменту, я уже привык к нашему сложившемуся незатейливому быту, к галошам на босу ногу, к деревенским щам из хряка и кислой капусты, к свободе, которую мне давала круглосуточная занятость бабушки, к

овцам, свиньям и курам, которые так смешно кудахтали, если их немного побесить. И бабушку я перестал бояться, и полюбил по-своему, осторожно, на дистанции, но искренне, по-настоящему.

1972 год. Мировые капиталисты тогда нас очень боялись. Чтобы нашей стране можно было диктовать свою непреклонную волю всему мировому сообществу, мамин завод делал страшные бомбы и ракеты. А маме дали на работе комнатуху в общей квартире, за ее посильный, но такой очень нужный вклад в оборону нашей Родины.

Когда мы собрались уезжать, бабушка плакала. Вещей, чемоданов и узлов было много. И я не представлял, как папа один будет нести все это много километров пешком до станции, где нас ждал поезд. Мы неуклюже прощались, всем было неловко и грустно. От этого прощание получилось скомканным. Ситуацию спасала надежда, что как только все наладится в городе, мы обязательно будем каждые выходные приезжать в гости. Никто, конечно, в это особо не верил, но виду старались не подавать. Дружок удивленно смотрел на нас снизу вверх грустными глазами, изредка виляя хвостом, а потом еще долго бежал вслед за нами до конца деревни, провожая нас в очередную новую жизнь в далеком городе.

Я очень скучал по своему Дружочку. Хотя в городе у меня появлялись новые знакомства, более искренних и добрых отношений уже не складывалось. Люди, как оказалось, в большинстве своем, были завистливые, хитрые и злые существа. Готовы обманывать друг друга, врать, и делать подлости за спиной. Как вообще можно сравнивать их с собакой ?

Жизнь в городе тоже оказалась несладкой. Родители много работали, ругались, снова работали. Меня большую часть времени оставляли с какими-то чужими разными бабками, большинство из них я даже и не вспомню. Бесцветные серые дни.

Огромной радостью для меня были поездки в деревню на выходные, а особенно летом, и надолго. Это были по-настоящему счастливые дни. Дружочек прыгал выше головы, крутился юлой, и щекотно лизался шершавым языком в лицо и уши, без стеснения. Бабушка тоже была рада, и с крестьянской сдержанностью, украдкой улыбалась, глядя на нас. Ей очень льстило перед соседками то, что мы ее не бросили одну, не забывали, приезжали полной семьей, привозили колбасу, шоколадные конфеты, и другие «дорогие дефицитные» продукты из города, которыми щедро угощали всех приходивших к нам гостей.

Дружочку тоже перепало кусочек, которые он, ввиду своей непосредственности, глотал целиком и сразу, не отвлекаясь на пережевывание, а потом преданно и долго смотрел на меня, выпучив глаза, ожидая следующую порцию. Понятно, что после таких деликатесов, он не ел бабушкино варево из картошки и куриных потрохов, от которого раньше никогда не отказывался.

Ещё у бабушки была коза. Я до сих пор уверен, что в этой скотине живет какой-то злой дьявольский разум. Помимо того, что она была шкодливая, но еще плюсом хитрая, подлая, бодливая и злопамятная. Вела она себя нагло и высокомерно. Даже бабушка для нее была не в авторитете. Уважала и опасалась она только Дружочка. Когда я пытался ее погладить, она наклоняла свою козлиную морду, старалась меня боднуть, и вытолкать со своей территории. Тут вмешивался Дружочек, делано прикусывая ее за бок, или за ноги. Козе, почему-то это совсем не нравилось, и она оскорбленно блея, отступала.

Именно Дружочек – собака, показала мне тогда то, каким должен быть настоящий друг. И мои критерии, с тех пор не поменялись. К людям это тоже относится. Именно Дружочек помог мне, трехлетнему ребенку, пережить тот страшный период в глухой деревне, без отца, без матери, с практически незнакомой старой, больной бабушкой, с которой мы говорили на разных языках.

Дружочек еще многие годы, как ему подсказывали инстинкты, охранял двор, дежурно облаивал близко к забору проходивших людей, чужую скотину, и птицу. Гуси вяло огрызались,

пьяные мужики матерились, а остальным было все равно. Но он чувствовал свою важность, и мы его значимость тоже ценили.

По ночам всем было спокойнее, когда дружок патрулировал кругами свою территорию, иногда косо поглядывая на старую ржавую цепь, валяющуюся с давних пор на земле. Он грозно лаял на кого-то невидимого нам в темноте, иногда рычал. Лихие люди лишней раз не нарывались на встречи с собаками в чужом дворе. Да и лисицы с волками в такие дворы не заглядывали. Много их было в те времена. На цепь Дружка уже больше не сажали. Никогда.

Глава 2

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

Часть II. ЛУЖА

В середине прошлого столетия, да и в его конце тоже, российские деревни не могли похвастать хорошими дорогами. Классический вариант летом – пыльное ухабистое, накатанное до прочности керамики, вьющееся по полям, ныряющее в овраги и взлетающее к небу, чумное полотно. Зимой – таинственный туннель в снегах, сменяющийся обледенелой вершиной холма, периодически исчезающий под переметами, и часто непроходимый. В межсезонье – непролазная липкая грязь, в змееподобной колее, тяжело ползущей в тумане, под проливными дождями со снегом. И чем дальше деревня от цивилизации, тем суровее пути, к ней ведущие.

В самой деревне, понятие дороги размывалось и растаптывалось многочисленными колесами, тропинками, и копытами проходящего стада. Границ у нее не существовало: они двигались под гусеницами тракторов, колесами местных ухарей на грузовиках, пастухов, и капризов погоды. Это больше напоминало военный полигон, с траншеями и многочисленными воронками от взрывов. Фактически, дороги просто не было.

Но в каждой деревне, на каждой улице, было то, что несомненно украшало невзрачную деревенскую картину, являлось ее «визитной карточкой», не похожей на все остальные, как не похожи отпечатки пальцев. Это, конечно – лужа.

В представлении городских жителей, лужа – просто вода на асфальте, разной формы и глубины, образующаяся после дождя, и быстро высыхающая на солнце. Ничего интересного в ней нет, и удостаивают ее вниманием, только малыши, исследуя ее глубину и мокрость, пока мамы их оттуда не вытащат.

Деревенская лужа – это совершенно другое. Это целый мир, со своей богатейшей флорой и фауной. Располагается она, как правило, в аккурат посередине деревенской улицы, вальяжно раскинувшись от забора с одной стороны, до тропинки вдоль дома – с другой.

Ее дно исследовано меньше, чем Марианская впадина. Жутко становится от одной мысли, что там может быть захоронено. Местные не особо прячась, используют лужу, как свалку. Традиционно, и органика и бытовой мусор, не подвергаются сортировке, и забрасываются в лужу с размаху, что несомненно обогащает внутренний мир местных жителей, и внутреннее содержание лужи.

По берегам лужи местами проросла трава, и честно разделив прибрежную зону, расположились свиньи, гуси и утки. Иногда, забредают куры, осторожно склёвывая мух и червячков у кромки воды. Вяло переругиваясь, вся эта живность, увлеченно занята каждой своим делом. В общем, скотный двор в полном составе, на релаксе. Я абсолютно уверен, в том, что замечательный мультфильм «Моя жизнь» был снят именно в этой самой локации. Да и массовка, и актеры подозрительно похожи.

Зеркало воды пронизано выступающими кусками палок, сломанных черенков, веток, и всего того, что трудно идентифицировать, не заходя в лужу. То, что плавает на поверхности – отдельный культурный археологический слой. Обрывки галош причаливают от отплывают от полузатопленных древних ботинок, на солнце кидают блики стеклянные бутылки, с таинственным содержимым, угол чемодана видится кормой утонувшего танкера, в сочетании с радужными разводами какого-то топлива. Энтомология могла бы здесь совершить массу открытий новых видов. Обилие насекомых поражает воображение: жирные изумрудные и бирюзовые мухи, гипертрофированные стрекозы, вьедливая мошкара, и прочая многочисленная летающая братия, маниакально влекут к таинственным берегам стаи воробьев, ворон и галок. Только кошки безразлично косились в сторону лужи и отдыхающих на берегах, обходя ее стороной.

Редкие грузовики и трактора проезжают ее осторожно, прижимаясь к домам и заборам, меняя рельеф дна и берегов. Стада коров и овец тупо бредут за вожаком стада, не опасаясь намочить копыта, руководствуясь его мудростью и внутренним убеждением. Жители привычно прыгают с камня на камень, матерятся, и далее по знакомым уже дощечкам и обломкам кирпичей, форсируют естественную водную преграду в ее самых узких местах.

В один из солнечных летних дней, засидевшись в избе, я решил наконец выйти на улицу. Дружок, безусловно, был замечательным товарищем, но за ворота выманить его было нереально. Деревенские собаки – территориальные животные, готовые умереть за свою землю, но на незнакомой чужой территории чувствуют себя крайне неуверенно, поэтому изучать окружающий мир, мне пришлось идти одному.

Мое наивное детское желание найти себе в незнакомой деревне, если не друзей, то хотя бы кого-то для игр и общения, привело меня к той самой луже.

Отгнав криками, палками и хворостинами в сторону гусей, свиней и уток, местные дети захватили себе часть прибрежной территории, и расположились там, занявшись какими-то очень важными, но непонятными для меня делами. Публика была разновозрастная, но в основном совсем мелкая, от грудничков на руках пятилетних девочек в платках, с лицами старушек, до тощих мальчиков неопределенного возраста, которые заметно напряглись, увидев меня. Все, без исключения смотрели в мою сторону исподлобья. Никто не улыбался.

Я, наоборот, всячески пытаюсь продемонстрировать свою открытость и доброжелательность, растягивал рот в улыбке до ушей, медленно приблизился к луже на противоположном от них берегу. Они о чем-то переговаривались на своем языке, изредка тыча в меня пальцами, но навстречу ко мне не двигались. Я тоже опасался подходить ближе. Мы изучали друг друга на расстоянии, но наивная теория «Крошки Енота» здесь не работала, и на мою улыбку, никто из них даже не пытался улыбнуться в ответ.

Через какое-то время, убедившись в моей безобидности, дети на том берегу потеряли ко мне интерес, и продолжили общаться в своем социуме. Не скажу, что меня увлекали их игры. Некоторые, постарше, возили палками по воде, разгоняя волны, пятилетние няньки трясли завернутых в пеленки орущих младенцев, а беструсовая малышня, одетая в одни чумазые рубашки, пускала салатного цвета сопли, и отгоняла любознательных мух, бессмысленно вращая глазами. Меня расстраивало то, что со мной никто не хочет дружить.

Играть одному мне было скучно. И я решил их заинтересовать, предложив совместные варианты коммуникации. Подобрал несколько щепок, размером с ладонь, я запустил их на воду, как воображаемые кораблики к противоположному берегу. Реакции было ноль. Вероятно, моим новым знакомым казалось гораздо более интересным возякать хворостинами по воде, поднимая со дна муть, или изучать содержимое носов, нежели мои кораблики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.